

EDN: HIVGBA

ЧЕЛОВЕК ИЗ СЕМИДЕСЯТЫХ

К этому факту нельзя привыкнуть до сих пор: в мае этого года не стало Льва Ивановича Мальчукова.

Не ошибусь, если скажу, что подписанные его именем театральные рецензии, журнальные статьи, отчеты о художественных выставках и переводы с немецкого олицетворяли для всей читающей Карелии трудноуловимую сейчас атмосферу 70-х.

Сама манера его общения и с читателями, и со студентами была, если так можно выразиться, эссеистичной. Она проникалась тонкой импровизацией, основанной на богатой эрудиции и смелых, однако всегда выверенных сопоставлениях самых разных фактов из самых разных областей искусства в целом. Максима Иммануила Канта «Красота есть то, что нравится нам без пользы и разума» усваивалась петрозаводской интеллигенцией с голоса профессора Мальчукова. На своих лекциях Лев Иванович любил широкие, как бы внезапные – на первый взгляд! – общекультурные контексты и обобщения и, нужно добавить, ценил вкус к таким обобщениям у студентов. Его подходы и интерпретации учили восприятию того в литературной науке, что принадлежит уже искусству. И без подобных обобщений науки о литературе просто нет.

Однако дело не только в этом. Длительное профессиональное изучение всякой другой культуры все же добавляет к личности ее исследователя какие-то черты наций, которым принадлежит эта культура. Специалист по литературе Германии начала XX века, Лев Иванович, дерзну сказать, представлял своей индивидуальностью и поведением не столько берлинский, сколько венский (а может, и швейцарский) стиль, не лишенный какого-то изящного космополитизма. Все это выражало дух открытости и терпимости 70-х. Это был своеобразный период уникального и хрупкого компромисса.

Именно тогда открытость и доброжелательный интеллектуализм главенствовали на всем европейском гуманитарном горизонте, считаясь,

подчеркнем, хорошим тоном. Все это виделось в заметках Льва Ивановича об инсценировке Русским театром пьесы Ф. Дюрренматта «Визит старой дамы», и еще более – в его ироничных интонациях, передававших смех Гейне над спортивным шовинизмом «папаши Яна» – вождя немецкой молодежи 1840-х годов.

Впрочем, некоторые особенности обстановки Карелии открывали окно и в англоговорящий мир, и открывали часто неожиданно. В Петрозаводск каким-то неизвестным образом, очевидно, по ленд-лизу во время войны, попало редкое прижизненное издание Киплинга 1927 года с предисловием Генри Джеймса. Оно и потребовалось мне для ответа на данный Львом Ивановичем к экзамену специальный вопрос. Готовясь к нему, я наткнулся на стихотворение, по-видимому, никогда не переводившееся на русский язык. Бравурное повествование о том, как солдаты-индусы вырезают бирманскую деревню за убийство их командира, лейтенанта из английского захолустья, и складывают на его могиле пирамиду из бирманских черепов, безупречно излагало манифест расизма прямо-таки пещерного свойства. На страницах букинистического издания Генри Джеймс называл Киплинга «истинным представителем англосаксонской породы». Значительно позже, когда обстоятельства привели меня к необходимости работать в Дагестане, разбор «Могилы с сотней голов», сделанный мною на экзамене Льва Ивановича, предстал тем компонентом моей написанной там книги, без которого она не могла бы существовать.

Еще Шекспир уподобил человеческую жизнь театру и актерам в театре. Лев Иванович Мальчуков был артистом за кафедрой, человеком театра. Слово Мальчукова зажигало магический фонарь, освещавший панораму великой культуры Европы.

С уходом Льва Ивановича в культуре Карелии закончились 70-е годы – и стали легендой...

*Евгений Тарланов,
доктор филол. наук, профессор
Петрозаводск*